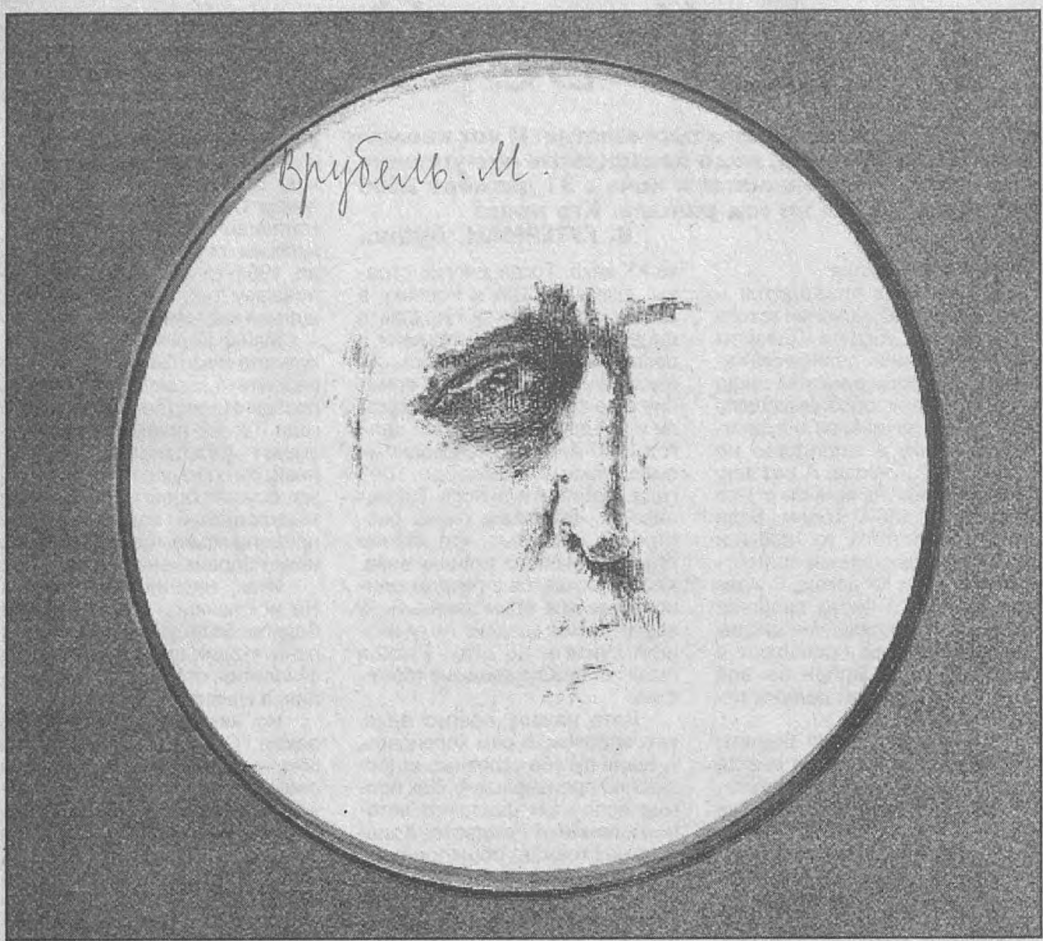

Автопортрет. Начало 1880-х — годы занятий в Академии художеств. "За моей спиной стоял белокурый, почти белый блондин, молодой, с очень характерной головой, маленькие усики тоже почти белые. Не-высокого роста, очень пропорционального сложения, одет... вот это-то в то время и могло меня долее всего поразить... весь в черный бархатный костюм, в чулках, коротких панталонах и штиблетах. В об-щем, это был молодой венецианец с картины Тинторетто или Тициана..." (Из воспоминаний художника Л. М. Ковальского).

Согласитесь, хочется наивно верить, что в таких госучрежде-ниях, как Большой театр, адми-нистрация Кремля или Государ-ственная Третьяковская гале-рея, бездарей не водится — по рангу не положено. Но кто же тогда делал эту выставку Вру-беля?

Причем заведомо ответ-ственную: в пятницу вечером открылась — в субботу очередь уже на улице стояла. Врубеля любят, в него так и тянет, как в омут, он весь загадка, и нет ничего удивительного, что хо-чется знать о нем подробнос-ти.

Какие уж там подробности! Украина, Белоруссия и Русский музей в выставке не участвуют. А то, что извлечено из запас-ников Третьяковки и частных коллекций, даже не прокоммен-тировано и дату-то не везде найдешь. Хотя публика пришла, конечно, не на «Демона сидя-щего» и не на «Царевну Ле-бедь», осточертевших с детса-да. Перед ними не задержива-ются. Инстинктивно толпятся именно перед маленькими рис-сунками, акварелями — мелоча-ми, за которыми хочется про-честь, понять, запомнить что-то особенное.

Краткая справка о творчес-ком пути Врубеля на стенде — что это? Свидетельство пренебре-жения исполнителей выстав-ки интересами публики? А за биографическими данными — так и вовсе пожалуйста на вто-рой этаж, где, между прочим, кроме этих данных, фактичес-ки и нет ничего.

Какие в этих залах не так давно проходили выставки Не-стеров, В. Васнецова, модер-на! А эта — словно создана по принципу программы «Времеч-ко»: вы здесь не увидите и не услышите, что такое Абрамце-во, «Мир искусства», музыкаль-ный театр в жизни Врубеля, религиозная тема в его творче-стве... Кто есть жена Врубеля Надежда Ивановна Забела? А кто это — Прахова, чье лицо у Врубеля стало ликом Богороди-цы (а сама-то Эмилия Львовна ох и далека была от этого об-раза!)? Что это за «Роберт и монахини» (лучшая скульптура Врубеля — на тему оперы Мей-ербергера)? Кто такие Усольцевы и почему каждый член этой се-мьи удостоился отдельного портрета (врач-психиатр, ле-чивший художника)? Что за странная карандашная серия «Бессонница» (рисунки из пси-хушки)? Хотя бы хронологичес-ки порядок выдержали — и того нет... Плетитесь на второй этаж вдоль долгих пустых стен (не-уждо даже фотографий и доку-ментов не набралось?), может, там что вычитаете, вычислите...

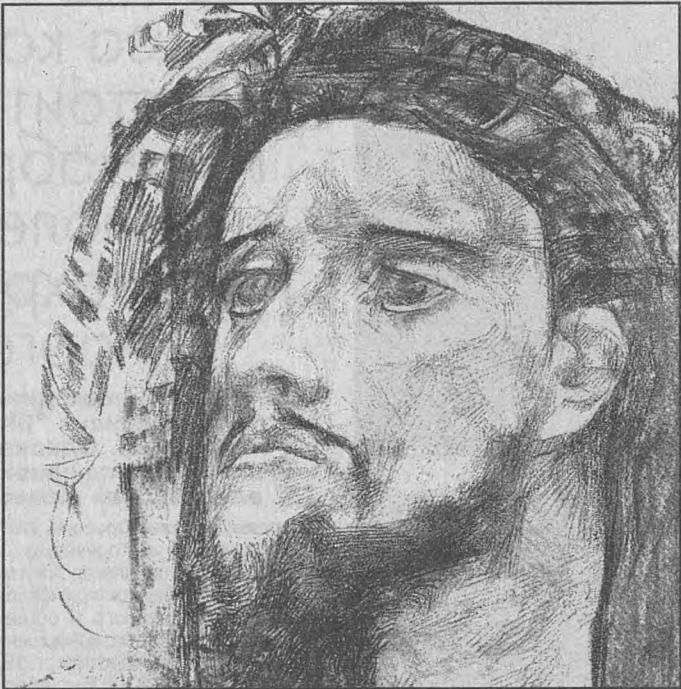
Что нового можно вынести с выставки?

Конечно, представление о последнем десятилетии жизни Врубеля. Он и всегда-то был человеком со странностями. Одно только вспомнить, как он переписывал картины: со-скоблил жену — написал «Пана»; соскоблил «Адама и Еву» — на-писал цирковую наездницу с хлыстом в руке; соскоблил за-казанного Н. И. Мамонтова — и под впечатлением оперы «Кар-мен» написал знаменитую «Га-далку», а заказчику объяснил: «Не могу больше писать ваш портрет, осточертел он мне».

А однажды в Киеве, во вре-мя росписи Владимирского со-бора, Врубель изобразил на холсте Богоматерь Оранту с ощеренными зубами и скрю-ченными пальцами поднятых ладоней. «Она защищается, за-щищается!» — объяснил он удивленным Прахову и Васне-цову, которые пришли полюбо-ваться новой работой Врубеля.

Тянуло художника в темную стихию — Демон, Лермонтов, наяды, вечерняя сирень («пу-рпур лиловых миров», как гово-рил о Врубеле Блок), помеща-тельство на перламутровой ра-ковине (она же «Жемчужина»), первоначально обычной до-машней пепельнице.

Но еще в конце 80-х стран-ности бывали очевидными. Од-нажды он совершенно серьез-но покрасил себе нос зеленой краской и так и шел по улице: «Ведь женщины красятся, поче-му же не краситься мужчинам?» В 1902 году В. М. Бехтерев поставил диагноз («прогресси-

Голова Пророка. Эпюд к картине "Видение пророка Иезекииля". 1904 — 1905 гг. Считается, что здесь художник отошел от канонического библейского типа и придал пророку сходство с собой. "Случалось, что какие-нибудь образы были особенно яркие и неотступно стояли в соз-нании, и тогда над воспроизведением их он работал упорно и мучи-тельно, все вновь и вновь перерабатывая их и безнадежно гонясь за все летящей мечтой. Такова была и его последняя неоконченная кар-тина "Видение пророка Иезекииля", навеянная ему чтением Библии". (Из воспоминаний врача Ф. А. Усольцева).

Тамара и Демон. "Не плачь, дитя, не плачь напрасно!..." 1890 — 1891 гг. Из иллюстраций к трехтомному изданию М. Ю. Лермонтова (тов-во И. Н. Кушнерова и К.). Врубелю были поручены иллюстрации к "Демону", Герою нашего времени", "Измаил-бею" и трем стихотворениям: "Русалка", "Еврейская мелодия", "Журна-лист, читатель и писатель". "Я сейчас занят иллюстрациями к "Демону", — писал он сестре Анне. — Мучаюсь и работаю, мучаюсь и порывами к кубку жизни". В издание вошло 11 рисунков. П. П. Кончаловскому, А. М. Васнецову и В. А. Серову стоило больших усилий их отстоять.

Всч. клуб. — 1997. — Иллек. е. 5.
11.12.97

Ему хотелось глаза-изумруды

Выставка М. Врубеля. ГТГ на Крымском валу

Портрет Ф. А. Усольцева на фоне иконы. Не окончен. 1904 — 1905 гг. Федор Арсеньевич Усольцев (1863 — 1947) был талантливым врачом и не чуждым искусству человеком. Из воспоминаний Е. И. Ге: "Больные в этой лечебнице жили вместе с семьей доктора и пользовались большой свободой".

Санитар. Из серии "Бессонница". 1904 — 1905 гг.

рующий паралич» и назвал бо-лезнь Врубеля неизлечимой. С тех пор и до самой смерти че-рез восемь лет художник — с перерывами — жил по клиникам. Постоянно невменяем он не был: болезнь заключалась в приступах то чрезмерной воз-бужденности и говорливости, то угнетенности; в беспрестанном слышанье «голосов», возможно, и зрительных галлюцинациях. (Вменяемый или безумный че-ловек сказал художнику С. Су-дейкину в больнице: «Я научу тебя видеть в реальном фанта-стическое»?)

Валерий Брюсов, чей порт-рет Врубель рисовал в 1905 году в клинике Усольцева, вспо-минает, как художник пережи-вал, что не все удалось ему в последнем варианте «Жемчужи-ны»: «Это — он (Врубель разу-мел Дьвола. — В.Б.), он делает с моими картинами. Ему дана власть за то, что я, не будучи достоин, писал Богоматерь и Христа. Он все мои картины искасил...»

Сердце сжимается, когда читаешь в письмах Врубеля еще «нормального» периода, как ему хочется покончить со «жвачкой мелочного, будничного натура-лизма», «вылечиться от привыч-ки толкаться, как комары в ве-чернем воздухе», ибо в своих последних рисунках, сделанных в психлечебницах, он фактичес-ки ограничен четырьмя стена-ми и весьма ординарной нату-рой. Его портретируемые — либо пациенты, либо персонал. Правда, у надзирательницы — глаза Эмилии Страховой. А тя-желый взор санитаря — вопло-щение недремлющего дьяволь-ского ока. А на обороте рисун-ка «Игра в шахматы» — все тот же Демон...

Невольный будничный на-турализм не отнял у художника

мастерства («Сугроб», «Дерево у забора», «Клетчатый халат и кровать» и даже «Уголок одея-ла»), и, будучи выставлены на вернисаже еще при жизни Вру-беля, эти рисунки нисколько не выдавали явного психического расстройств.

В феврале 1906 года Вру-бель ослеп, и это была уже пол-ная катастрофа. К вопросу о том, был ли он, «фантазер», хо-рошим рисовальщиком: по сви-детельству доктора Морозова, уже будучи совершенно сле-пым, художник мог одним штри-хом нарисовать лошадь (одна-ко, оторвав руку от бумаги, уже не способен был закончить ри-сунком).

«Устал жить, — говаривал Врубель навещавшим его дру-зьям. — Воробьи чирикают мне: «Чуть жив, чуть жив». В эти по-следние незрячие годы от него слышали, что он мечтает о гла-зах-изумрудах.

После четырех лет слепоты, в феврале 1910 года, Михаил Врубель, как можно предпо-ложить, фактически сам лишает себя жизни: сознательно долго стоит у открытой форточки, за-болевает и умирает.

Пронзительная биография художника, ни на кого в мире не похожего, на нынешней, та-кой благообразной на вид вы-ставке осталась за бортом. Может, сотрудники ГТГ лень-матушка заела — решили, что каталог достаточно подроб-но, зачем еще и таблички. Только вот кто его купит за 45 тысяч? (Кстати, в нем позорно пута-ют дореволюционные буквы «ять» и «ер» — систематичес-ки по всему изданию). Или же они такие нежные, что, по со-ветской привычке, сочли под-робности слишком щекошли-выми.

Андрей АРДЕР.